М. В. КОНОТОПОВ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

УДК 33
ББК 65
К64

Рецензенты:

В.И. Жигалов – доктор экономических наук, профессор, академик Российской инженерной академии;

А.А. Никитин – доктор экономических наук, профессор, лауреат Премии Правительства Российской Федерации, генеральный директор ЗАО «Московская обувная фабрика «Парижская коммуна».

Портрет М.В. Конотопова на обложке – *Н.П. Навашиной-Крандиевской.*
Автор обложки – *Е.А. Гусарова*

Конотопов, Михаил Васильевич.

К64 Избранные статьи / М.В. Конотопов. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2024. – 518 с.

ISBN 978-5-394-06012-0.

Сборник статей выдающегося российского ученого, заслуженного деятеля науки Российской Федерации М.В. Конотопова объединяет ряд его журнальных публикаций за последние четверть века. Автор рассматривает широкий круг проблем – от ключевых вопросов теории экономики на современном и перспективном этапах, пороков мировой экономической системы до формирования эффективной экономики России, включая переход ее к новому технологическому укладу.

Для специалистов в областях экономики, социологии, политологии и широкого круга читателей.

В подготовке книги к изданию участвовали кандидат экономических наук *Р.С. Белобородов* и академический советник Российской инженерной академии *Р.А. Сокольников*

ISBN 978-5-394-06012-0

© Конотопов М. В., 2024
© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

О суверенном мышлении (вместо предисловия)..... 7

I. О самом важном 11

Россия: правда о прошлом и будущем..... 11

Экономическая теория в лихие времена 40

Болезни экономического образования,
или Как лечить саму экономическую теорию 64

О форме без содержания: реформирование образование
образования в современной России
как основа его регресса..... 76

II. Вопросы политической экономии 91

Цикличность экономического развития 91

Кризис как составляющая экономического цикла..... 113

Апрельские тезисы 2009 года
(О мировом экономическом кризисе) 121

Сентябрьские тезисы 2009 года
(О мировом экономическом кризисе) 139

Декабрьские тезисы 2009 года
(О мировом экономическом кризисе) 159

Мартовские тезисы 2010 года
(О мировом экономическом кризисе с позиции циклов
инновационного развития К. Жугляра)..... 171

Июньские тезисы 2010 года
(О мировом экономическом кризисе с позиций бизнес-
циклов экономической активности Дж. Китчина) 181

Энергия как товар в видении некоторых экономических школ 187

Собственность и хозяйствование: современные воззрения на древнейшие категории экономической теории 196

Системные пороки мировых финансов и противоречия национальных интересов в преддверии нового технологического уклада 206

Нефтяное прошлое доллара: истоки и итоги 229

III. О новых технологических укладах 244

Концепция стратегии развития производственных технологий 244

Россия в преддверии нового технико-технологического уклада 277

Технологические уклады и социально-экономический прогресс 316

Модель стабильного экономического роста при переходе к новому технологическому укладу 337

IV. Энергетика и транспорт: проблемы и перспективы ... 355

Международные транспортные коридоры и участие стран ЕАЭС в условиях трансрегионализации ... 355

Транспорт России: стратегические направления международного сотрудничества 372

Арктическая зона России: вызовы глобальной энергетической трансформации 386

V. История экономики России 393

Развитие хлопчатобумажного производства в России в XVIII в. – 1861 г. 393

Развитие хлопчатобумажного производства
в России в XIX в. (предреформенный период) 406

Развитие хлопчатобумажной промышленности
России 1861–1900 гг. 418

Развитие хлопчатобумажной промышленности
России 1900–1917 гг. 441

Химическая промышленность России до XVIII в. 457

Развитие химической промышленности России
в XVIII в. Производство пороха, селитры и серы 466

VI. На стыке проблем 478

Потенциал нанотехнологий вопросы теплоснабжения
и отопления зданий 478

Россия на пути совершенствования подходов
в сфере рационального природопользования
и обращения с отходами 488

Библиографическая справка 514

О СУВЕРЕННОМ МЫШЛЕНИИ (вместо предисловия)

Давно и пристально наблюдаю за многогранным творчеством автора этого сборника статей, который мне является не только коллегой, но и многолетним другом, что позволяет мне лучше понять особенность и общую направленность его мышления.

Думаю, что не следует рассматривать периодические публикации автора в отрыве от его трех учебников по экономической истории и пособия для аспирантов по истории и философии экономики, которые вместе выдержали за последнюю четверть века 39 изданий, и его 17 монографий, которые тоже часто переиздаются.

Что касается последних, то среди них особое место занимает «Экономическая история мира в шести томах. Под общей редакцией М.В. Конотопова».

Впервые в мировой практике в одном исследовании соединено изложение экономической истории (истории народного хозяйства) и истории экономических учений (истории экономической мысли). Теперь после семи изданий этой книги стало ясно, что такой подход к изложению научного материала дает гораздо более глубокое понимание обеих его составляющих, причем последнее издание завершает не история, а прогноз мирового развития.

Результаты исследований по истории экономического развития позволили автору обосновать вывод о том, что специализация как фактор роста производительности труда исчерпала себя и научно-технический прогресс остался единственной движущей силой, которая определят универсализацию производства как магистральное направление его развития через соз-

дание природоподобных технологий сейчас и переход к технологии атомного конструирования (квантового копирования) в будущем. Эта позиция наряду с анализом цикличности развития экономики (теория кризисов) позволили автору дать рекомендации по формированию экономической политики России сейчас и в перспективе.

Автор дал глубокий анализ и современных проблем мирового экономического сообщества в преддверии нового, шестого технологического уклада, главная из которых – подмена финансового капитала фиктивным, что неизбежно тормозит технико-технологический прогресс; обосновал необходимость дистанции между экономикой России и неэффективной для нее мировой финансовой системой (именно ее пороки порождают несистемные экономические кризисы, вызванные защитой корпоративных интересов); показал изначальную порочность «долларовой гегемонии» и неизбежность ее ликвидации в краткосрочном периоде (последний «ипотечный» кризис – результат попыток сохранить Федеральную резервную систему).

Особый интерес представляет также критический анализ так называемой «капитализации» активов мировых субъектов экономики и связанная с ней потеря управляемости процессом воспроизводства как на корпоративном, так и на макроуровне. Метод расчета внутреннего валового продукта создает иллюзию экономического благополучия таких стран, как США, за счет многократного учета «услуг» фиктивного капитала, а «индекс Доу-Джонса», например, отражает котировку сомнительных активов и не дает объективной информации о динамике экономики.

Многолетние исследования позволили автору сформулировать основные направления стратегии России по эффективному переходу ее экономики к новому технологическому укладу, которая предусматривает в первую очередь восстановление национального технологического суверенитета за счет

новой индустриализации путем формирования ядра технологий нового уклада в рамках государственной инновационно-инвестиционной программы, обосновать необходимые и достаточные условия ее реализации.

Главное достоинство исследований автора в той их части, которая касается истории экономики, – это не просто описание ее динамики, а глубокий анализ причин, вызывающих те или иные последствия, и в первую очередь тех, которые определяли формирование экономики как системы. Такой подход позволил не только включить экономическую историю, которая традиционно рассматривается лишь как часть теории экономики, в общую картину истории человечества, но и принципиально обогатить ее.

Историю долго было принято воспринимать как цепь политических процессов, в которой нам трудно проследить причины, основы прогресса человечества, а следовательно, и законы развития. Дело в том, что законы развития человечества коренятся не в политических, а в экономических процессах, поэтому развитие экономики – основа развития общества. В этой связи особо убедительно положение автора о том, что политическая революция может быть успешной только тогда, когда она попадает в резонанс экономической, а та в свою очередь берет свои истоки в революции технической.

С другой стороны, соединение в рамках самой экономической теории истории экономики и истории экономической мысли, осуществленное автором, позволяет дать более глубокое понимание этой теории как таковой, критически, объективно оценивать правомерность включения тех или иных новых положений в политическую экономию как систему (основу) устоявшихся экономических воззрений. Свою позицию по современному состоянию мировой экономической теории автор изложил как в статьях, так и в последней монографии «Сон разума: о современной теории экономики и ее практике». По его мнению,

ключевым предметом исследований в области теории экономики станет наука как непосредственная производительная сила.

Заключая, хочу сказать: обосновывая необходимость суверенитета России в самых разных сферах, М.В. Конотопов, на мой взгляд, обладает абсолютно независимым и продуктивным, а значит, и суверенным мышлением.

Ю.А. Левин,
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент Российской инженерной академии

I. О САМОМ ВАЖНОМ

Россия: правда о прошлом и будущем

В работе изложена позиция автора по ключевым проблемам организации эффективного перехода России к новому технологическому укладу, которая базируется не только на оценке современного состояния страны, но и на анализе объективных условий ее развития в длительной ретроспективе, которые и определили особенности этого развития. Предложен новый подход к определению зависимости научно-технических и социально-экономических процессов как основных составляющих прогресса человечества и новая трактовка социально-экономического устройства СССР. Опровергнута догма об империалистических устремлениях России, поскольку на деле наша страна представляла уникальное в истории явление – «империю наоборот». Рассмотрена современное состояние мировых финансов с его основной негативной чертой – особой ролью и влиянием фиктивного капитала, что служит основным препятствием на пути к новому технологическому укладу. Предложены для обсуждения основные характеристики «сценария» развития российской экономики, предусматривающего ее индустриализацию в рамках шестого технологического уклада.

Существование общества на Востоке зависело от неразделимой оросительной системы, требовавшей коллективных усилий и централизованного руководства. К. Маркс писал, что в Азии государство имело особую отрасль управления – управление общественными работами. Для этого требовался мощный бюрократический аппарат. Следствием сочетания государственной собственности на землю и государственного управления общественными работами стала верховная собственность государства на все хозяйство страны, т.е. сложилась централизованная государственная система хозяйствования.

Я вынужден в сотый раз возвращаться к этому вопросу не потому, что в общественном сознании до сих пор зияет дыра в виде «рабовладельческого Древнего Египта», но прежде всего

потому, что без понимания особенностей азиатского способа производства невозможен объективный анализ и особенностей развития России, ибо ее экономика черты этого способа частично переняла в ходе борьбы с монгольским игом, о чем поговорим позже.

Тут налицо яркий пример того, когда путаница в терминологии рождает непонимание сути.

Теперь о заблуждениях. По выражению братьев Стругацких, Россия «свернула со столбовых дорог цивилизации» (кстати, в понимании сторонников цивилизационного подхода, единой цивилизации нет как таковой). Но есть ли вообще такой единый «столбовой тракт» цивилизации или это все-таки «дороги, которые мы выбираем»? Несостоявшийся идеолог реформ России Г. Явлинский, например, считает, что есть, ссылаясь на универсальность экономических законов. Законы для идеальных газов тоже универсальны, вот только идеального газа в природе нет.

Действие каждого отдельно взятого экономического закона универсально, а вот их составляющая зависит от сочетания природно-климатических, географических, этнических, исторических, культурных и других особенностей страны. Поэтому правомерность группировки даже схожих национальных экономик всегда будет сомнительна. Копирование, механический перенос на свое развитие кальки пусть даже положительного зарубежного опыта – дорога в никуда. Ступая на тропу реформ, прежде всего надо вычленить и проанализировать не схожесть, а отличия и разобраться в их причинах.

Что у нас иначе и почему?

Весь исторический опыт показывает, что степень закабаления человека человеком прямо пропорциональна благоприятности природных условий для существования живых организмов, а длительность, наоборот, обратно пропорциональна. Чем благоприятней, тем сильней и короче, чем хуже, тем слабее и дольше.

Рабство возродилось в Южной Америке и на юге Северной. В России рабства не было никогда, а на севере России не было и крепостничества. Все дело в том, что природные условия не позволяли человеку производить избыточный по отношению к обеспечению собственных минимальных потребностей продукт, ради которого его и стоит поработить.

Даже в обеспечении этих потребностей климат диктует огромные различия. Так, «становой» для пропитания в России культурой стала рожь, которая в южной Европе всегда считалась сорняком среди колосьев пшеницы.

Суровость климата повлияла на менталитет россиян, ибо она определяла рабочую активность человека около 200 дней в году, а в Западной Европе в полтора раза больше. В свою очередь это диктовало объединение усилий для помощи в индивидуальной беде (строительство домов для погорельцев, «кусочничество» – помощь в пропитании тем членам общины, у кого случился неурожай) и самое длительное существование сельской общины именно в России (она была упразднена Указом Президиума Верховного Совета СССР только в 1930 г.!).

Наконец, «малый ледниковый период» (глобальное похолодание в Европе), который начался у нас в злосчастное царствование Бориса Годунова и закончился только в конце XVIII в. Он принес не только бесконечные неурожайные годы, смуту и иностранное нашествие, но и окончательное закрепление крепостного права. «Прикрепление крестьян к земле» было объективной необходимостью, а не злой волей царя.

Подобно этому и экономическая изолированность России в тот же период была обусловлена не идеологическими соображениями, ими она только оформлялась. России просто нечего было предложить миру для обмена из своего валового продукта, ибо урожая с трудом хватало для простого воспроизводства, а каждый третий-четвертый год вообще был неурожайным.

Обратимся к созданию централизованного российского государства. Феномен его в том, что оно формировалось вокруг

Москвы в рамках монгольского ига, под гнетом Золотой орды, которая, справедливости ради надо сказать, стала тогда слабеть. Современные историки правильно отмечают, что их предшественники достаточно добросовестно разбирались в коллизиях взаимоотношений русских князей, а вот динамика самой орды изучена мало. В знаменитом «стоянии на Угре», которое можно считать точкой отсчета в окончательном закате Золотой орды, участвовали в качестве оппонентов не только русский великий князь, но и другие «чингизиды» (наш великий князь сам вписал себя в родословную Золотой орды на основании родства по женской линии), возглавлявшие осколки этого некогда единого образования.

Интересно то, что именно преемникам нашего доморощенного чингизида удалось в конце концов собрать территории, некогда подконтрольные Золотой орде, в рамках Российской империи.

Московское централизованное государство принципиально отличалось как от других государств Европы, так и от Киевской Руси. В других государствах монарх из земли имел «домен» (мы бы сказали «надел»), а в Киевской Руси князь во главе дружины, по сути, был наемником у города, с которым он заключал «ряд» (договор). Это относилось и к киевскому князю, по традиции именуемому великим. Теперь же великий князь, а затем царь был верховным собственником и земель, и городов России. Вот только и хозяйства их были слабоваты, да и связи между ними не устоялись.

Централизованное русское государство сложилось раньше, чем экономические предпосылки его создания. И государству пришлось самому формировать, насаждать экономику «под себя». Насаждаемая «указная» экономика приобрела, как справедливо указывали классики марксизма, черты азиатского способа производства, о котором говорилось ранее.

Заметим, что «Азия» как географическое понятие тут ни при чем, все происходило тогда на европейской территории. Государство российское росло потом за счет присоединения

новых территорий и народов, причем бескровно, с ассимиляцией. Нам не приходится стыдливо замалчивать такие исторические факты, как то, что в ходе освоения «дикого Запада» демократическое вашингтонское правительство платило своим гражданам деньги за сданные ими скальпы индейцев, причем скальп ребенка оплачивался по самому высокому тарифу.

Еще одной важнейшей особенностью Российской империи была та, что она была «империей наоборот»[1]. Обычно центр империи живет за счет ограбления окраин. В России же национальные окраины всегда «подкармливались» за счет населения центра (использование механизмов азиатского способа производства это позволяет).

Эта практика стала еще шире в период Страны Советов, но об этом позже.

Можно вспомнить пышный рассвет промышленности Польши в конце XIX – начале XX в., небывалый взлет Азербайджана на базе новой отрасли – нефтедобычи, Украины за счет сахарного свекловодства и снабжения сахаром всей Европы, создание высокотехнологичной промышленности в Латвии, хлопководство в Туркестане, в котором до этого практически не было товарного производства, развитие виноделия в Крыму, наконец, приобщение Великого княжества Финляндского к цивилизации (до этого Финляндия была ограбленной провинцией Швеции) и многое другое.

И все это на фоне центральной России, где по-прежнему преобладало экстенсивное сельское хозяйство.

В Российской империи никогда не обострялась национальная рознь. Кстати, понятие «национальность» заменяло поня-

---

[1] Я впервые обосновал это понятие в 2000 году (см.: Конотопов М.В., Сметанин С.И. Из тупика. Экономический опыт мира и путь России. М.: Академический проект, 2000). Приятно, что за минувшие годы оно прижилось, и теперь даже снят многосерийный документальный фильм с таким названием.

тие «вероисповедование», терпимость к которому была определена еще в короткое правление Петра III. Понятно, что православный имел определенные преимущества, но и получить их мог любой желающий, оное православие приняв. Интересно, что именно Петр III, а не его вдова Екатерина II, как это принято в общественном сознании, издал указ «О вольности дворянства», избавлявший последнее от обязательной государственной службы. На деле это была не «государева милость», а государственная необходимость. Остро стояла проблема организации эффективного управления как основными хозяйственными единицами, которыми тогда были поместья, так и надзора за основной массой населения – крестьянством. Эти функции мог совмещать только помещик, а созданная Петром I и окрепшая при его преемниках регулярная армия, точнее ее организация, позволяла перенаправить дворянский ресурс на решение этих задач управления.

И в самом управлении Россией много отличий от остальной Европы, коснусь только некоторых из них.

Прежде всего это мощный центральный аппарат. Еще монах Аврамий пенял Петру I (за что и был сослан): «Иным (чиновникам. – *М. К.*) де и сидеть негде, стоя пишут, и, написав, дерут, не столько в ящики кладут, сколько под ноги мечут». Размер бюрократии определял еще и «российского разлива» азиатский способ производства, так как в задачу центра входил и надзор за хозяйством страны. А вот местное управление, как и в старину, должно было хлопотать о «пропитании» само.

«Полудержавный властелин» А. Меншиков в царствование Екатерины I вообще хотел отменить государственное жалование чиновникам низшего ранга, мол те и на взятках проживут. Поэтому, когда гоголевский городничий пеняет полицейскому «Не по чину берешь!» – это не литературная метафора, а правда жизни. Содержать полицейских – это обязанность городских обывателей, и несли они эту повинность безропотно, видимо,

услуги полиции были нужны. Только в правление Александра III государство начало выплачивать полиции регулярное жалование, да и оно было приостановлено в ходе Русско-японской войны под флагом патриотизма.

Мы видим, что зерна коррупции были посеяны на отечественной ниве давно, и бороться с ней так же нелегко, как и со злосчастным борщевиком, который лезет на любое свободное пространство.

С другой стороны, чем лучше бойкая торговля военными и гражданскими должностями во французском королевстве или покупка мест в английском парламенте? Дело в национальной специфике. Даже промышленная революция девятнадцатого века в России началась «с конца» по сравнению с другими странами Европы. Там как? Сначала текстильная промышленность, потом угольная, металлургия, машиностроение и в самом конце транспорт. Нам же пришлось с транспорта начинать – пароходы, потом сеть железных дорог. Без них невозможен был единый российский рынок, а в свою очередь и сама промышленная революция теряла смысл. Создание транспортной сети было задачей и заслугой государства, и реализацией особых возможностей азиатского способа производства.

Россия не участвовала ни в одном из мировых или межрегиональных экономических кризисов вплоть до энергетического кризиса 80-х гг. прошлого века[1]. Кризисы были, но они возникали асинхронно мировым экономическим процессам. Вот и сказалось отсутствие опыта, когда СССР «мягко» втянули в энергетический кризис, а заготовленной ловушки мы просто не заметили.

В огромную экономическую ловушку, которая влечет за собой крах всей политической системы, Россия попала за XX столетие второй раз. Первый – это революция 1917 г.

---

[1] Подробнее см.: Очерки экономической теории / под общей редакцией М.В. Конотопова. 2-е изд. М.: Просвещение, 2016.

Как могла установиться «диктатура пролетариата» в преимущественно аграрной стране, где по численности в населении преобладает крестьянство? Очень просто – притормозив аграрную реформу П.А. Столыпина, целью которой были окончательное разрушение сельскохозяйственной общины и переход к фермерскому хозяйству, государство само создало «пятую колонну» внутри крестьянства. Около половины вышедших из общины для переселения на новые места хозяйственного освоения крестьян, разбазарив по дороге и деньги за откуп своей доли, и государственные дотации, вернулись в родные места, а там ни кола, ни двора. Мы получили новую категорию населения – сельских люмпенов, а люмпены, по предупреждению К. Маркса, опасней для пролетариата, чем буржуазия. Они и составили социальную базу революции на селе.

Все помнят один из первых декретов советской власти – декрет о земле, по которому земля отходила в собственность государства, а ведь по К. Марксу она должна была перейти в частную собственность крестьян. Дело в том, что не большевики, а эсеры провели еще до октября 17-го года Всероссийский сход крестьян, где под давлением крикунов-люмпенов был принят наказ о передаче земли государству, и большевики взяли его на вооружение.

Именно здесь и был заложен первый камень в фундамент нового витка азиатского способа производства в нашей экономике.

Были, есть и будут споры, почему советская власть тогда победила. Ответ прост. Любая политическая революция имеет шанс на успех только тогда, когда она попадает в резонанс революции экономической. Но между революциями научной, технической, технологической и т.п. и революцией политической есть принципиальное различие. Первые всегда означают прогресс человечества, результаты последней носят вероятностный характер. Резонируя экономической, политическая революция

может на определенный исторический период утвердить новый политический строй, но, если он не способен трансформироваться вслед социально-экономической динамике, его ждет замена.

Буржуазная революция в Англии попала в резонанс интенсификации сельского хозяйства и зарождению промышленности. Октябрьская революция – в переход от пара к электричеству. Именно поэтому первой и самой действенной программой советской власти была «Электрификация всей страны».

План ГОЭЛРО (кстати, из нархозпланов он один был выполнен и даже перевыполнен на деле, а не на бумаге) и сейчас справедливо является предметом изучения за рубежом России, а нам к его опыту еще обязательно предстоит вернуться. И именно его реализация легла в основу экономики нашего отечественного социализма.

Вот только что понимать под словом «социализм»? Само слово сейчас использует каждый кому не лень, вкладывая нужное ему содержание. С большой охотой люди воспринимают социалистическую модель скандинавского типа, которая сложилась в ходе преодоления последствия мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., устояла при относительно «мягком» участии скандинавских стран во Второй мировой войне и укрепилась после нее на базе использования энергоносителей, добываемых в Северном море (следует отметить, что при этом уровень социальных гарантий в ФРГ сейчас выше, чем у скандинавов, а немцы не имели природно-исторических льгот). Не будем обсуждать осторожные, но многочисленные указания специалистов на истощение ресурсов для сохранения этой модели у скандинавов, ибо наш предмет – собственная модель.

Беру смелость утверждать, что экономическая модель советского периода – практически в чистом виде азиатский (древневосточный) способ производства, в отличие от Российской империи, где наблюдались только его черты. Источник раз-

личия – отсутствие частной собственности на средства производства.

Наряду с резонансом промышленной революции укреплению новой политической системы в стране, которой вновь пришлось создавать экономику заново, помог упомянутый ваше мировой экономический кризис, пробивший стену изоляции нашей страны от мирового сообщества. Первоначально индустриализации проводилась на базе зарубежных технологий и с привлечением иностранных специалистов, оставшихся на родине без работы.

Второй этап индустриализации сопровождался созданием собственной армии специалистов, в том числе и высшей квалификации, максимально высоким моральным и материальным стимулированием развития высокой науки и высокого искусства. Если сравнивать со средним уровнем жизни населения, то для представителей интеллектуальной сферы это был подлинно «золотой век», равного которому история не знает[1].

Неоспоримое достижение нашей страны в советский период – это тот средний уровень образования ее населения, которого в мире не было и нет теперь и у нас (не по количеству дипломов, а по сути). Второе – это технологический суверенитет страны, которого ныне тоже нет.

Не приобрети наша страна тогда технологический суверенитет, мы бы наверняка потеряли бы суверенитет государственный. Экономика была в руинах, а природные ресурсы страны, как мухи (с легкой руки Л. Троцкого), облепили иностранные концессии, в основном из США. Возможно, избранная экономическая модель и была тогда единственным выходом из тупика, но не будем забывать и то, что в сталинский период до четверти трудоспособного населения страны несли свою трудовую повинность в лагерях...

---

[1] Подробно см.: Конотопов М.В., Сметанин С.И. Из тупика. Экономический опыт мира и путь России. 3-е изд., перераб. М.: Русайнс, 2016.

Вряд ли подобные результаты были возможны в рамках другого способа производства в столь короткие сроки. Д. Гэлбрейт как-то сказал, что любой экономист втайне мечтает о рабовладении. Думаю, нет – уверен, что он имел в виду азиатский способ, просто не знал этого названия, как и большинство наших отечественных теоретиков.

Постулат о неэффективности советской модели экономики неверен. Советская экономика была эффективна, но в экстремальных условиях, которые, впрочем, и сопровождали основной период ее существования. Можно получить почти мгновенный результат, мобилизуя и перебрасывая армии строителей, строя каналы и плотины, корпуса «высоток» и заводов, космодромы и атомные электростанции. Но когда ресурсы действующего технологического уклада для роста производительности труда практически исчерпаны, обостряется особая черта азиатского способа производства – стагнация.

Бумага и порох появились в Китае, а книгопечатание, артиллерия и взрывные работы – в Европе. В Древнем Египте инженерам запрещено было вычислять, они могли только измерять. Достоверность любого диссертационного исследования в СССР, начиная от философии и экономики и заканчивая физикой и гинекологией, подтверждалась «соответствием трудам классиков марксизма-ленинизма». Беда нашей собственной социально-экономической теории была в том, что классики не оставили нам в наследство теории социализма, и мы десятилетиями занимались «подгонкой» действительности под формулировки К. Маркса из анализа капитализма, а его же азиатский способ производства был вымаран из теории по указанию И. Сталина.

Азиатскому способу свойственно преимущественно не интенсивное, а экстенсивное развитие производства, особенно когда речь идет о решении глобальных задач. Самый характерный отечественный пример тому – программа освоения целинных

и залежных земель. Жаль, что Н.С. Хрущев, который в целом хорошо послужил своей стране по сравнению с другими лидерами того периода, увлекся гидропоникой уже в отставке.

Принятая в СССР социально-политическая модель не смогла трансформироваться применительно к условиям новой революции – информационной, что и стало коренной причиной замены этой модели. Отставание нашей страны в информационных технологиях было самым существенным во всех областях деятельности, включая и производство оружия. Подмена качественной составляющей роста количественной – вот основа стагнации.

Интересно то, что эта количественная составляющая относится и к самому процессу управления, где она создает иллюзию эффекта управленческого воздействия. Так, еще в 1975 г. был проведен закрытый анализ того, как выполняются постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Оказалось, что они выполнены лишь на 3 процента! Думаю, что аппарат ЦК тогда стыдливо утаил эту правду от верховного руководства страны.

А вот хаотичные попытки «перестройки», предпринятые малообразованными людьми (помните идеологический штамп «социализм с человеческим лицом»?) без всякой ясной программы, да еще с участием «агентов влияния США», таких как А. Яковлев, лишь обнажили факт неуправляемости страны. Точку поставил ГКЧП. Чего стоили только дрожащие руки «и.о. Президента» Г. Янаева во время его выступления, транслируемого на всю страну!

Но в самом распаде СССР есть и другая точка, точка отсчета. Это признание Верховным Светом РСФСР верховенства законов РСФСР на ее территории над законами СССР летом 1990 г. Это окончательно развязало центробежные силы в Союзе.

От распада больше всего потеряло население бывших союзных республик, ибо, если и считать СССР империей, то такой «империи наоборот» никогда не было и, надеюсь, не будет.

Империализм – это вообще неэквивалентный обмен как внутри государства, так и вне его. У нас обмен тоже был неравный. Идея интернационализма и «пропорционального развития» всех народов и территорий реализовывалась путем отъема части заработанного в РСФСР и Белоруссии. Так, Грузия по числу личных автомобилей на тысячу человек населения занимала первое место в СССР, а по числу научных работников в мире. Даже наши «западноевропейские» и вроде трудолюбивые прибалтийские республики дотировались. В равной степени это относится и к «странам социалистического содружества». Иной раз думаю, не потому ли они так озлобились на нас, что Россия перестала делиться? Или, когда нашу страну обвиняют в попытках «возродить советскую империю», где они видят стимул для этого у российского народа?

Вернемся, однако, к упомянутой выше «ловушке» для экономики СССР, мировому энергетическому кризису 80-х годов. В 1985–86 гг. средняя цена на баррель нефти снизилась с 40 до 20 долларов США (в ценах 2000 г.), при этом темы роста ВВП СССР сократились в 1981–85 гг. до 2,1%, а в последние годы Союза – до 1,2%. Страна перешла на голодный паек[1].

Мощный удар по бюджету СССР нанесла тогда и знаменитая антиалкогольная кампания. Странно, что, стремясь подружиться с зарубежьем, руководители Союза не учли его опыт в подобных проектах. Так, «сухой закон» в США привел к созданию организованной преступности, а единственным положительным его эффектом стало появление быстроходных катеров, на которых преследовали бутлегеров.

Советского Союза не стало, а Россия ступила на тернистый путь реформ, проводимых по принципу: «Ломать не строить, душа не болит!».

---

[1] Подробнее см.: Очерки экономической теории / под общей редакцией М.В. Конотопова. 2-е изд. М.: Просвещение, 2016.

Начну с конца. Самым неутешительным итогом девяностых годов прошлого столетия для народа России, самой большой его социальной потерей стала потеря уверенности пусть в небогатом, но твердо гарантированном завтрашнем дне. И произошло это на фоне глубокого социального расслоения, которого ранее не было.

Главный корень зла всех наших реформ – это модель экономического роста, которую подсунули нам «младореформаторы» и имя которой – неоклассическая или англосаксонская. Она внедрилась в наше народное хозяйство в ходе печально знаменитой «шоковой терапии», эфемерной приватизации, разрыва кооперированных связей и прочего.

Этот неолиберальный путь значил для нас закат высокотехнологичного обрабатывающего производства практически во всех отраслях и активное наращивание поставок за рубеж необработанного сырья, прежде всего энергоресурсов. «Преобразовательные задачи для стран центральной и восточной Европы с самого начала 90-х годов, – пишет американский экономист Дж. Ангресано, – исходили из интересов Запада и определялись идеологическими постулатами, присущими неоклассической теории, такие как предоставление рынка западным кредиторам, доступ к сырым материалам этих стран и усиление политического влияния (Запада. – *М.К.*)»[1].

Такое направление означает периферийное развитие России, но не в силу ее особенностей, которые дают только дополнительные стимулы роста при разумном их использовании, а, наоборот, движение в рамках мировой экономической системы, но в качестве сырьевого придатка стран опережающего развития по качественным его параметрам. Приведу только два доказательства: точкой отсчета при формировании бюджета

[1] Angresano J. The Political Economy of Gunnar Myrdal. an Institutional Basis for the Transformation Problem. – Williston, VT: Edward Elgar Publishing Limited, 1997. – P. 28.

России служит теперь ожидаемая среднемировая цена на сырую нефть; в производстве страны практически отсутствуют технологии из ядра, действующего пятого технологического уклада за исключением оборонного комплекса.

В ходе приватизации, когда складывалась нынешняя хромая модель нашей экономики, российский народ подстерегала еще одна ловушка. Люди не забыли ощущения обретения собственности на квартиры, которые им подарила пресловутая «перестройка» (на деле «де факто» эти квартиры и так находились в собственности, а ее оформление «де юре» добавило только мобильность в управлении ею). Поэтому возможность расширить свои владения воспринималась большинством населения как приятное, хоть и весьма туманное будущее.

Ловушка была в том, что приватизация жилья проходила предметно, причем весьма жестко, а знаменитый «ваучер» был обезличен, что давало возможность оборотистым и близким к новой власти всех ее уровней людям свободно манипулировать юридически и экономически безграмотным населением, сохраняя при этом видимость законности.

Период 90-х вообще характерен тем, что важнейшие решения по демонтажу существовавших как политической, так и экономической систем и становления новых оформлялись не законодательно, а многочисленными постановлениями правительства. Широта «охвата проблем» была невероятна – от создания Российской академии наук до знаменитых «залоговых аукционов».

Именно этот властный хаос дал толчок к активизации криминала. Если более или менее образованные люди наверху действовали внешне законно, то, подражая им, внизу «братки» действовали, как умели. Но цель была одна – награбить. Уважаемый читатель, вспомните, куда вы девали свой ваучер и что получили взамен.

В итоге от дележа пирога государственной собственности среднестатистический житель России получил в довесок к квар-

тире только земельный участок, и то – если он был у него в пользовании ранее.

Еще один важнейший печальный итог реформ – снижение образования населения России до критического уровня. В 90-е годы, будучи членом Экспертного совета сначала при Президенте, а затем при Правительстве России, я мог знакомиться с распоряжениями и постановлениями правительства и первым делом смотрел те, которые касались образования и науки. Они казались мне бессистемными, малозначимыми, часто неумными, но безобидными. Вижу теперь, что я глубоко и горько ошибался, и все эти камешки сложились в мозаику. Теперь ясно, например, что насаждение плодившихся, как грибы, частных вузов имело целью подорвать государственную образовательную систему путем недобросовестной конкуренции. Нынешняя реформа образования в России вызвала шквал вполне справедливых нареканий. Но мне думается, что нам, критикам, первый камень надо бросить в свой огород. Критикуя конструктивно, предлагают другой, более эффективный проект, а его пока нет, или я о нем не знаю. Вернемся, наконец, к проблемам перехода России к новому технологическому укладу и начнем с базовых понятий.

Цикличность роста, свойственная экономической системе, определяется тем, что существующий набор производственных технологий периодически морально устаревает. Моральное старение действующих производственных фондов означает то, что нынешняя технологическая схема не может обеспечить дальнейший стабильный рост производительности труда. А ведь именно технологический уклад – совокупность технологий, определяющая уровень существования человечества в определенный исторический отрезок времени, диктует верхний предел основных параметров жизни населения в этом периоде (уровень материального потребления, время и качество отдыха, доступность и качество здравоохранения и прочее) и, как результат, саму продолжительность жизни.